
СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАСТИ

И.Л. Андреев

ПРИРОДНО-ПСИХИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ И ВЛАСТИ

Аннотация: излагается гипотеза автора о фундаментальной роли эволюции пространственно-временных представлений в процессе антропогенеза как естественно-биологических предпосылок формирования социальных институтов собственности и власти.

Ключевые слова: психология, философия, антропогенез, мозг, психика, сознание, пространство, время, собственность, власть

Универсальная взаимосвязь пространства и времени, акцентированная в научном сознании XX в. открытием Альбертом Эйнштейном теории относительности, перестала быть монополюющей вотчиной астрофизиков. Идея теории относительности всё более отчётливо пронизывает научное восприятие социального бытия и парадигму его философского исследования¹. В частности, философская антропология, палеопсихология и эволюционная психиатрия позволяют вплотную подойти к выявлению роли и значения пространственно-временных представлений как естественно-биологических предпосылок ключевых социальных институтов собственности и власти². Исследования последних лет дают всё больше подтверждений тому, что фундаментальным свойством нервно-психической деятельности является пространственно-временная ориентация, адекватная физической картине окружающего мир. Поэтому процесс церебральной дихотомии опосредовался пространственно-временными факторами³, а палеоантропология гармонично стыкуется с

этнологией социумов, сохраняющих традиционный образ жизни⁴. Генезис пространственных представлений исходно связан с восприятием водных поверхностей как зримой природной двухмерности, достаточно стабильной в своих очертаниях и выступающей неизменным условием любых форм биологической жизни. Вместе с тем, поверхностная вода играет роль фактора демаркации пространства и его специфической формой, а тянущийся из недр зоологического прошлого образ воды ассоциируется с устойчивостью, константностью мироздания, женским началом, дарующим жизнь всему сущему. Напротив, толчок к улавливанию и последующему закреплению в лабильной психике наших предков временных ритмов, циклов и иных параметров окружающего мира и собственной жизнедеятельности дал огонь. Трепетно-нервное, притягательно-изменчивое, волнующе-динамичное пламя костра околдовывало их. Животные бежали от огня. Пращур его приручил. Но огонь, будучи источником повышенной опасности, не только даровал свет и тепло, но и диктовал определенный ритм совместной и наперед рассчитанной деятельности по его поддер-

¹ Андреев И.Л. Циферблат без стрелок // Вестник РАН. 2003. № 2; статья перепечатана в США: Andreev I.L. A Handlee's Dial // Herald of Sciences. Vol. 73. Number 1. Janvar-February, 2003. P. 54-61.

² Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. Функциональные асимметрии человека. М., 1981.

³ Андреев И.Л. Взаимосвязь пространственно-временных отношений с генезисом отношений собственности и власти //

Вестник РАН. 2005. № 3; Андреев А.И. Человек как предмет современной науки // Вестник РАН. 2006. № 2, его же: Эволюционные истоки отношений собственности и власти // Государственная служба. 2005. № 6.

⁴ Андреев И.Л. Тамтам сзывает посвящённых // Философские проблемы этнопсихологии. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 384 с.

Статья поддержана грантом РГНФ «Философские аспекты социальной психиатрии»
(проект 12-03-00583а).

жанию⁵. Характерно, что мифы об огне гораздо моложе, нежели мифы о воде, причём, сам огонь неизменно соотносится в них с образом мужчины.

Ящик без стенок: эволюция исходного восприятия пространства

Более древнее в эволюционном смысле правое полушарие отражает и регулирует пространственные взаимосвязи и отношения, в которых поначалу утопает смутно дифференцированное соотношение процессов и их стадий в синхронно-асинхронном и причинно-следственном аспектах. «Дном» его зримо выступает земная поверхность и её рельеф, «крышей» — небо и бесконечный космос, а невидимыми и в принципе раздвижными «стенками» — естественные границы обитания (прежде всего — водные), хозяйственной и ритуальной деятельности, либо территория, занятая соседями. Именно правая часть коры больших полушарий фиксирует плоскостные и вертикальные взаимосвязи предметов, доминируя над другими разновидностями реальных зависимостей и противоречий. «Способности, присущие исключительно правому полушарию... связаны с восприятием пространственных отношений. Возможно, что именно тогда, когда в левом полушарии развивался язык — символическая система более высокого уровня, чем любая сенсорная система одной модальности, в областях правого полушария развивались способы представления двух- и трехмерных отношений внешнего мира, улавливаемых с помощью зрения, осязания и движений. Представляется, что кроме пространственных задач от правого полушария зависит способность мысленно видеть сложную дорогу или найти путь через лабиринт. Хотя правое полушарие обычно характеризуется как более пространственное, чем левое, его, пожалуй, точнее описывать как манипуляционно-пространственное, обладающее способностью манипулировать с пространственными паттернами и взаимоотношениями», — резюмируют американские исследователи С. Спрингер и Г. Дейч⁶. Поэтому способ мышления правого полушария сходен с фрейдовским описанием подсознательного, ибо

включает «широкое использование образов, меньшее участие в восприятии времени и последовательности событий, ограниченную речь типа той, которая проявляется в сновидениях и в обмолвках».

Изменение образа жизни наших предков требовало новых форм ориентации в своей экологической нише. Её пространственные параметры становились более обширными и разнообразными. Пространство, как арена жизнедеятельности той эпохи, было зримо, осязаемо, обоняемо, часто слышимо, то есть, доступно чувственному восприятию, опиравшемуся на старые структуры мозга, подвергавшиеся, однако, в процессе эволюции существенной коррекции со стороны новых зон неокортекса. Освоение прямохождения открыло пращуров новые среды обитания. Обоняние стало уступать былые позиции развитию зрения⁷, без чего не могли бы столь эффективно действовать удивительно полифункциональные руки, освобожденные от участия в передвижении. Ключевую роль сыграла при этом связанная с церебральной дихотомией дифференциация правой и левой рук (отсутствующая у обезьян) и вызванный ею совокупный эффект нового типа биологической жизнедеятельности, названный феноменом Сеченова. Ведь именно ей эволюционно и генетически сопутствовала продуктивная специализация зрения, слуха и голоса. А также объективно следующая за ней дифференциация исследовательского и непосредственно жизнеобеспечивающих инстинктов, различение преобразуемого предмета и средства воздействия на него, отражение в психике разделения форм жизнедеятельности, включая стадное и индивидуальное, инстинктивное и адаптивное, имитационное и ситуационное поведение и т.п., опирающееся на недавно открытые зеркальные нейроны коры головного мозга⁸.

В изначально нерасчлененном, целостном мире, благодаря развитию центральной нервной системы, постепенно проступало конкретно-дискретное многообразие земной поверхности и расположенных на ней, либо движущихся по ней симметрично-асимметричных предметов, адекватное представление о которых имело важное значение для выживания вида. По мере возрастания потенциала новой биологической популяции, окружающее пространство расширялось, разнообразилось, срастаясь с формирующимся социумом. Изначальное восприятие двухмерности обитаемой территории (саванна, пустыня, водная поверхность)

⁵ Не исключено, что именно огонь пробудил новый статус левого полушария, генетические предпосылки которого были заданы феноменом, аналогичным синдрому Бьюси-Клювера («Труды УП Международного конгресса антропологических и этнографических наук». Т. 3. М., 1968. С. 598-599, а также: Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. Издание 2-ое, переработанное и дополненное. М.: Мысль, 1988. С. 33-34.

⁶ Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг, правый мозг. М., 1983. С. 221-222, 215.

⁷ Тарантул В.З. Геном человека. Энциклопедия, написанная четырьмя буквами. М.: Языки славянской культуры, 2003.

⁸ Якобони Марко. Отражаясь в людях. Почему мы понимаем друг друга. М.: Юнайтед Пресс, 2011.

постепенно сменялось осознанием трёхмерности жизненного пространства (пещера, лес, горы). Маршруты охоты и собирательства, поиски и освоение удобных природных ниш для стоянок, ночлега, раздела и хранения добычи, орудийная деятельность и сбор группы для совместного времяпровождения — всё это включало в себя углублённое освоение окружающей среды и предпосылки её изменения, реконструкции, структурирования⁹.

Используя терминологию английского антрополога и этнографа Э. Эванса-Притчарда, замечу, что первоначально нерасчлененное ощущение (чувство) пространства (как и времени) постепенно раздваивалось на *экологическое* и *структурное*, то есть, относящееся к природным и социальным процессам или к естественным ландшафтно-экологическим декорациям антропосоциогенеза и искусственным конструкциям, создаваемым на их основе. Скажем, пещера — естественное пространство, созданное карстовыми водами, тектоническими сдвигами, выветриванием горных пород. Искусственным пространством она становится, когда в ней ищут и находят регулярное укрытие от непогоды и хищников, разводят костер, хранят добычу и готовят пищу, кормят детей, стариков и тех, кто во время охоты был занят другими, более важными для остальных делами, отдыхают, принимают роды, исполняют охотничьи танцы и другие обряды, наносят на стены знаки и рисунки. Рождавшаяся на стенах пещер графика — остановленные навеки движение и экспрессия, символ формирующейся социальности, фрагмент первичной эстетики, истоки культуры, представляла собой рефлексию пространства, место в нем людей и животных, еще сросшихся в *проясняющемся сознании*. Палеолитические Венеры с ярко выраженными признаками способности к детородной функции — свидетельство прочного освоения трёхмерности пространства и закона подобия сложных объемных форм. Французский культуролог А. Леруа-Гуран сказал бы в данном случае о доместикации (одомашнивании, приручении) пространства и о его классификации на *маршрутное* и *статичное*, *концентрическое* и *радиальное*. Углубляющееся разделение земного пространства на *естественное* и *искусственное* — принципиально важная веха не только в судьбах биосферы, но и в становлении ноосферы — сферы разума. Иными словами, «чувство пространства» и территориально-ландшафтный кругозор долго оставались (а в природных цивилизациях остаются до сих пор) необходимой

предпосылкой более глубокого внедрения в свою экологическую нишу и освоения других ландшафтов, ресурсов, форм присваивающего хозяйства.

С чего «начиналась» собственность?

Исторически первой формой «цивилизованного» пространства было жилище. Исходная функция любого природного укрытия или сооружения на его базе жилья — использование естественной, а затем и искусственной микросреды путем отделения замкнутого, специально оборудованного пространства от остальной (потенциально враждебной) внешней природы с целью обеспечения требующихся организму комфортных условий выживания и воспроизводства. Вместе с тем, уже самое примитивное первобытное укрытие создавало замкнутое пространство не только физически, но и психологически. Индивиды становились ближе друг к другу. Каждый из них мог теперь более пристально «смотреться» в Другого как в своего рода социальное зеркало. Так на плечах естественно-биологических процессов борьбы за выживание вида как бы исподволь создавались предпосылки качественно иной, нежели в рамках былой стадности, эмоционально-чувственной, житейской притирки друг к другу, чем-то напоминающей палеолитический вариант описанного В. Франклом феномена психологического вхождения индивидов друг в друга, самоотдачи себя Другому и получение его «в обмен»¹⁰. В результате происходила постепенная выработка (в том числе в результате действия группового отбора) норм совместного общежития. Складывались зачатки того, что стало формой «идеальной репрезентированности (отраженности) человека в жизни других людей»¹¹.

Искусственное пространство отодвигало наших предков от зоологического окружения за его пределы. Их жизнедеятельность разделялась на две различных стратегии индивидуального и группового поведения. Функцию развития в сторону социализации «пещерных» взаимоотношений, в связи со значением для выживания вида мышления и речи брал на себя левый мозг. Рефлекторные предпосылки общения переплавлялись в рефлексивно-социальные, в недрах эмоций зарождались чувства. Поведение вне и внутри социального пространства различалось самым существенным образом. Роль зверя оставалась за пределами жилища. В пещере зарождались отношения совмест-

⁹ Andreev I.L., Tumarkin D.D. The traditional communal Structures and some Problem of socio-economic Development of the pacific islands Peoples // 13th Pacific Science Confress // Canada? Vancouver, 1975. 32 p.

¹⁰ Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 100.

¹¹ Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-н/Д.: Феникс, 1996. С. 11.

ной собственности, вне его стен — захватной и обороняемой, монопольной и эксклюзивной, одним словом, в буквальном, первородном смысле — приватной (от латинского *privare*, что значит *лишать*) собственности, связанной с отстранением от предметов, ею охваченных, реальных и потенциальных конкурентов. Эрих Фромм сказал бы о фундаментальных различиях между двумя способами существования: в пещере и вне её¹². Именно совместное проживание в едином пространстве, обустроенном своими руками, способствовало переплавке в поначалу слабо осознаваемые традиции наиболее социальных стадных инстинктов. Вызванное дистанцированием от круглосуточного соприкосновения с зоологическим окружением и дискомфортными гримасами климата раздвоение эмоций представляется следующим образом: «С одной стороны, агрессивность во время охоты, с другой — мягкость, нежность и взаимопомощь в домашней среде. Эти два феномена, обусловленные биологической дифференциацией мужчины, женщины и ребенка, различным образом создавали оптимальные условия для укрепления и развития социальности, столь необходимой для выживания человеческого рода»¹³ и соответственно запечатлевались в дифференцированной структуре неокортекса.

Территория, названная немецкими этнографами «жизненным пространством», конечно, имеет внешнее сходство с «территориальным императивом», который Р. Ардри обнаружил в львиных прайдах Горонгозо — в национальном парке на севере Мозамбика¹⁴. Но она принципиально отличается даже у самых архаических племен наличием механизмов социального регулирования отношений с соседями и друг с другом. Одной из простейших моделей такого рода регуляции дефицитных пространств выступает общий лес или иной участок земли. В лесах Итури — притока Заира, живут пигмеи — мбути. Каждая группа занимает свою, строго определенную территорию, оставляя в центре лесов большой «ничейный» участок. Реликты запасной, заповедной территории — священного пространства — сохраняются и у народов, затронутых влиянием вестерн-цивилизации. «Вблизи многих деревень в краю йоруба, на западе Нигерии, сохраняются небольшие участки девственного леса. Туда не заходят женщины собирать хворост для домашнего очага, охотники не пугают укрывшуюся там дичь. Лишь

голоса птиц да крики обезьян тревожат покой сырой, сумеречной чащобы», — такую картину рисует В.Б. Иорданский, дополняя ее важной деталью: «Эти священные рощи окружены плантациями шоколадного дерева, полями маниоки и ямса. Они оберегаются как оазисы мифического, населенного духами пространства, оазисы древнего, не тронутого человеком дикого мира»¹⁵.

Американский антрополог Роберт Лонэй в процессе изучения пространственно-временных отношений в среде народа *диула* в Кот д'Ивуар пришел к выводу об их теснейшей связи с половозрастной и общинной структурой. «Пространственные представления, — пишет он, — отражали различия между мужчинами и женщинами, старыми и молодыми, свободными и рабами (зависимыми). Право старшинства определяло права на все виды пространства: мечеть, рыночную площадь, мечте, где ткачи устанавливали свои станки, дома и территорию, к ним прилегающую... никогда пространство не было нейтральным, а всегда — высоко организованным, зависящим от многочисленных и различных по характеру отношений в общине. Даже внутри дома для проведения ритуальных собраний, носящем у *диула* название «*брон*», порядок распределения пространства, по сути дела, был «слепком социальных отношений». Большая и лучшая его часть предназначалась мужчинам старшего поколения. От возраста человека зависело не только его право войти в *брон*, но и то, каким образом он должен это сделать, ибо одна из дверей предназначалась для старших, другая — для молодежи. Старейшины деревни, где проходило ритуальное собрание, располагались в центре, а представители других деревень (их присутствие было необходимым для многих церемоний) садились по сторонам от них. Тот, кто занимал неправильное место, мог быть наказан (вплоть до смерти) сверхъестественным образом, обычно духами предков или божеством. Социальное пространство по-разному воспринималось (психологический аспект) и использовалось (социально-экономический ракурс). Его разделение обычно связано с принадлежностью к определенному роду. Но сама дифференциация пространства могла быть незримой: «Лабиринт хижин и тропинок между ними был буквально пронизан сетью невидимых и непостоянных границ»¹⁶.

¹² Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986. С. 95-112.

¹³ Парсонс Г. Человек в современном мире. М., 1985. С. 264.

¹⁴ Ardrey R. Adam kamm aus Africa. Munchen, 1969; Ardrey R. The Territorial Imperativ. A personal Jnguiry into animal origins of Property and Nation. N.-Y., 1966.

¹⁵ Иорданский В.Б. Хаос и гармония. М., 1982. С. 333.

¹⁶ Launay R. Spaces and Times Multiple Coordinates of Reality among the Dyula of Cote d'Ivoire // Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М.: Институт Африки РАН, 1996. С. 98-101.

Поскольку пространство-территорию нельзя унести с собой в процессе непрерывных кочеваний и переселений, первой зародившейся формой собственности на общественную хижину, обработанный участок земли, рощу, водный источник и иную недвижимость, использование которой защищалось от претензий соседей. Распоряжение ими осуществлялось старейшинами, исходя из общих интересов и в соответствии с заветами мудрых предков. Предметами споров и войн с соседями были, как правило, претензии на территорию, захват скота и женщин, которые, по мнению Клода Леви-Стросса, играли в древнейших обменах и захватах роль живых денег. Институт собственности зарождался на спорных границах и служил первоначально её защите от притязаний чужих. Зять К. Маркса Поль Лафарг акцентировал момент пользования в качестве «единственно возможного и понятного основания собственности у дикарей»¹⁷. Зарождение же концепции владения, как продленного и наперёд гарантированного пользования либо тем более распоряжения, связано с восприятием времени. В свою очередь, восприятие пространственной организованности даже ближайшего окружения оставалось односторонним, плоским и расплывчатым, пока не была выделена и зафиксирована его закономерная связь со временем. Это означало интеллектуально-чувственное освоение временной структуры мира как объективного следования событий (изменений) друг после друга, рядом друг с другом либо различие стадий качественного преобразования окружающих предметов и сил, живых существ и их свойств. Эволюционные резервы психики в виде бурно развивающегося вместе с генезисом вербального мышления и левого полушария головного мозга, позволяли всё более корректно улавливать бестелесность времени и объективную ритмику жизнедеятельности, включая звуковой ее аспект. В свою очередь, это явилось мощным фактором дифференциации времени и, в известной мере, управления им.

Как формировалось первичное «чувство» времени?

Вопрос — философский. «Времени нет без человека», — констатирует в знаменитом эссе «Время и бытие» один из крупнейших философов XX века Мартин Хайдеггер. — «Только что означает «нет без»? Человек создатель времени или его получатель? И если второе, то как человек получает время? Если человек

сначала человек, чтобы потом по обстоятельствам, т.е. к какому-то определенному времени получить восприятие времени и встать в отношение к нему? Собственно время есть единящая троякий просвет его протяжения близость присутствования из настоящего, осуществившегося и будущего», ибо «в бытии как присутствованию дает о себе знать такая вещь как время». Далее Хайдеггер, по существу, показывает, что в индивидуальном сознании точкой развертывания времени как субстанции, данной человеку извне как одно из ключевых условий его бытия и, вместе с тем, не дающейся ему в руки, выступает ныне существующая реальность: «Настоящее — называя его само по себе, мы уже думаем также о прошедшем и будущем, о Раньше и Позже в отличие от Теперь. Но настоящее, понятное от Теперь, совершенно не похоже на настоящее в смысле настоящего многолюдного праздника. Мы потому никогда не говорим и никогда не сможем сказать: это был «теперешний» праздник вместо «настоящий»»¹⁸.

Классификация, идентификация и анализ динамики образов будущего неизменно упирается в сложнейшую философскую проблему — проблему времени. «Ни одна сфера жизни природы и человеческой деятельности, — резюмирует П.П. Гайденко, — не обходится без соприкосновения с реальностью времени: всё, что движется, изменяется, живёт, действует и мыслит, — всё это в той или иной мере связано со временем... Неудивительно, что время относится к тем реалиям, которые с глубокой древности определяли смысловое поле человеческого мировосприятия. Характер рассмотрения времени, способ включения его в систему других категорий мышления, так же как и основные интуиции времени определяют самосознание различных культурно-исторических периодов»¹⁹. Поэтому современная карта мира имеет незримый временной социально-психологический подтекст.

В экзистенциальном плане непосредственно не воспринимаемые перцептивно переходы времени по типу листа Мёбиуса могут выливаться при депрессиях в причудливое смешение и парадоксальные их перестановки. Великий датский философ Сёрен Кьеркегор детально и красочно описал такого рода ситуацию в книге «Несчастнейший»: «Одинокий, на самого себя покинутый, стоит он в безмерном мире, и у него нет настоящего, где бы он мог почтить, ни прошлого, по

¹⁸ Хайдеггер М. *Время и бытие*. М., Республика, 1993. С. 397, 401.

¹⁹ Гайденко П.П. *Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке*. М., Прогресс – Традиция, 2006. С. 5.

¹⁷ Lafargue Paul. *La propriete origine et evolution*. Paris, 1895. P. 344.

которому он мог бы потосковать, так как его прошлое ещё не настало, как нет и будущего, на которое он мог бы надеяться, ибо его будущее уже прошло. Ему нельзя состариться, так как он никогда не был молодым; он не может стать молодым, так как уже стар; в известном смысле ему нельзя и умереть, так как он ведь и не жил; в известном смысле ему нельзя и жить, так как он уже умер; он не может и любить, потому что любовь всегда — в настоящем, а у него нет ни настоящего, ни прошедшего, ни будущего, и в то же время он — воспринимающая душа, и он ненавидит мир только потому, что любит его; у него нет никакой страсти не потому, что он чужд всякой страсти, но потому, что в одно и то же мгновение у него и противоположная страсть, у него нет времени ни на что, не потому, чтобы его время было занято чем-нибудь другим, а потому, что он совсем не знает времени; он бессилён, не потому, что лишён силы, а потому, что собственная сила обессиливает его»²⁰.

Для оценки подобного рода ситуаций и определения стратегии их разруливания наиболее приемлем принцип единства времени и пространства действия. Его оригинальную и во многом продуктивную интерпретацию предложил крупнейший отечественный специалист в области микробиологии академик Г.А. Заварзин. Сам термин *haecceitas* принадлежит философу XII в. Дунсу Скотту и означает *ha* — здесь и сейчас, *esseitas* — существующее нечто. Мартин Хайдеггер перевёл его на немецкий язык словом *Dasein*, широко применяемым в философии экзистенциализма. Изучающий процессы эволюции микромира планеты, длившейся миллионы лет, Г.А. Заварзин в замечательном философском эссе «Бытие и развитие: эволюция, сукцессия, хаэссеитас» пишет: «Хаэссеитас — это то, что мы наблюдаем здесь и сейчас как реально существующее действительное. Прошлое обладает действительностью в той мере, в которой приходит в настоящее как результат, хотя оно обладало действительностью в полной мере в исчезнувшем времени. Будущее относится к области возможного и оценивается по вероятности, как, например, неизбежная смерть живого существа; будущее не реализовано и находится в области пространства возможностей, не воздействующих на настоящее здесь и сейчас». Единственное, что в данном фрагменте вызывает возражения, — это неправомерное по отношению к социальной реальности дистанцирование процесса становления будущего от воздействия на него многофакторного и противоречивого настоящего²¹.

²⁰ Цит.: Курпатов А.В. Депрессия: от реакции до болезни. СПб., 2001. С. 56.

²¹ Заварзин Г.А. Бытие и развитие: эволюция, сукцессия, хаэссеитас // Вестник РАН, 2007, №4. С. 336.

В экзистенциальном плане не воспринимаемые перцептивно переходы времени по типу листа Мёбиуса могут выливаться при депрессиях в причудливое смешение и парадоксальные их перестановки. Сёрен Кьеркегор детально и красочно описал такого рода ситуацию в книге «Несчастнейший»: «Одиноким, на самого себя покинутым, стоит он в безмерном мире, и у него нет настоящего, где бы он мог почтить, ни прошлого, по которому он мог бы потосковать, так как его прошлое ещё не настало, как нет и будущего, на которое он мог бы надеяться, ибо его будущее уже прошло. Ему нельзя состариться, так как он никогда не был молодым; он не может с тать молодым, так как уже стар; в известном смысле ему нельзя и умереть, так как он ведь и не жил; в известном смысле ему нельзя и жить, так как он уже умер; он не может и любить, потому что любовь всегда — в настоящем, а у него нет ни настоящего, ни прошедшего, ни будущего, и в то же время он — воспринимающая душа, и он ненавидит мир только потому, что любит его; у него нет никакой страсти не потому, что он чужд всякой страсти, но потому, что в одно и то же мгновение у него и противоположная страсть, у него нет времени ни на что, не потому, чтобы его время было занято чем-нибудь другим, а потому, что он совсем не знает времени; он бессилён, не потому, что лишён силы, а потому, что собственная сила обессиливает его»²².

Африканский философско-культурный феномен времени

Как показывает история природных цивилизаций, включая Африку южнее Сахары, первичное время может длительный период прозябать на задворках пространственных представлений. Дифференциация больших полушарий головного мозга на заключительных этапах антропогенеза существенно удлинила паузу между полученным извне импульсом и ответом на него с примерно двух до почти трех секунд. Зато «вклиненность» в процесс принятия решения левого мозга содержало мощный гносеологический и деятельностный потенциал, для полноценного раскрытия и развёртывания которого нужны были иные социальные и исторические условия. Пока же в традиционном африканском сознании явно преобладает чувственно-ассоциативное, художественно-образное восприятие времени как своего рода живого, но невидимого Существа, как некоей перцептивно не воспринимаемой Субстанции, специфического

²² Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991. С. 126.

фрагмента вездесущей Природы. Времени придается в большей степени поэтическая, нежели рациональная окраска. Действительно, живущему в условиях природной цивилизации индивиду часы ни к чему. Лишняя тяжесть и помеха. Время для него, будто собственная тень, неизменно рядом, да в руки не дается. Его нельзя сохранить, засушить, потрогать, понюхать, попробовать на вкус, увидеть, услышать. Время — это то, что «сейчас». То, что было, и то, что будет, когда-то прошло и/или пройдет через непосредственно переживаемое «сейчас». Словом, время для него безбрежно, безмерно и безразмерно. Ему нет цены. Оно выше вещей, настроений, утрат. И только европейцы вместо того, чтобы наслаждаться жизнью, безжалостно подстегивают его. Часто смотрят на часы, куда-то мчатся, считают деньги, ругаются, завидуют, ссорятся, хотят урвать у другого и вообще обогнать время, не понимая, что оно-то и есть — сама жизнь. А спешить вообще никуда и никогда не надо. Спешить — плохо! И тем, кто спешит, нервничает, ошибается из-за этого. И тем, к кому спешат: они ведь не только стойко переносят тяготы ожидания, но и чувствуют переживания стремящихся не опоздать на встречу. Людям Востока видеть эту сутолоку грустно, и за нас, европейцев, обидно: до чего же мы бестолковые и суетливые! Искусственно подгоняя время, совсем не считаясь с ним, мы даже не думаем о том, что можем причинить ему боль и страдания.

У африканцев два природных хронометра: дети и солнце. Одна из моих малийских знакомых — торговка фруктами по имени Фанта, навес которой много лет находился рядом с нашим посольством, очень образно разъяснила то, что касается возраста детей как мерил времени жизни: «Вы белые — странные люди. Возитесь со своими детьми, которых у вас всего-то раз-два и обчелся, будто других забот нет. Надышаться на них не можете. Или ссоритесь с ними, прямо-таки враждуете, подчас даже не поймешь из-за чего. А наши дети растут, как трава. Сами по себе. По законам предков. Конечно, сначала требуют заботы и внимания. Потом путаются под ногами, норовят напраказничать. Знаем, сами были такими. Но постепенно включаются в общий ритм жизни деревни, отлаженный веками, или ... сбегают в город. А уж там, как судьба распорядится. В общем, время с детьми летит незаметно. Да, и как за ним, бестелесным, невидимым и неслышимым, уследишь, если не глядеть на взросление детей? К тому же некогда, да и незачем. Других проблем — по горло. И по-своему она, конечно, была права. «Ребенок, — продолжила она, — маленькое земное

солнце, пытающееся танцевать раньше, чем научится ходить. Он то освещает нечаянной лаской и трогательной улыбкой наш незатейливый быт, то уходит «за горизонт» собственных проблем, унося с собой время нашей молодости, открывая грустную возможность ощутить шаги ее удаления — прелюдию неизбежного расставания и с Солнцем, и с Танцем Ночи, и с выросшими детьми».

Эти метафоры простых, зачастую не знающих грамоты африканцев часто всплывают в моей памяти. Однажды тема отношения ко времени стала предметом дружеской беседы с господином Абдуллаем Шарлем Даниоко, компетентным и обаятельным человеком, бывшим министром образования и науки, Чрезвычайным и Полномочным Послом, представляющим в Москве одну из самых солнечных стран мира — Республику Мали. Там в среднем 363 дня в году раскаленное почти добела светило не терпит конкуренции облаков и туч. «Наши крестьяне, — размышлял вслух мой собеседник, — смотрят на Солнце, а не на часы. Даже многие чиновники и другие городские жители еще толком не усвоили астрономического и математического значения времени. И с этим приходится считаться. Я — выходец из сельской местности. У нас в деревне и в семье — естественное отношение ко времени, диктуемое ритмами природы». А потом вдруг темпераментно развернул ход чинного салонного разговора, заявив в духе афоризма одного из французских королей: «Время — это Я. Но ему не дано «иметь меня», распоряжаться мною. Его нельзя игнорировать, с ним надо считаться, но не стоит попадать к нему в кабалу, становиться рабом неодушевленной часовой стрелки». Есть над чем задуматься! Народная мудрость глубока и оригинальна! Приходя в этот мир, мы очеловечиваем и тем самым маркируем непосредственно не воспринимаемое нашими органами чувств время, окружающее и пронизывающее нас. Мы живем, действуем и танцуем во времени. Оно делает то же самое внутри нас. Солнце — та ипостась времени, которую мы видим и чувствуем кожей. Танец — другая его грань, воплощающая движение и ритм. Танец — это Солнце в наших душах. Оно греет даже тогда, когда уходит за горизонт, а источником тепла и света становится ритуальный костер. Мудр Сенгор, изрекший: «*Африканец танцует свою жизнь*». Её символом и сердцевинкой, было, есть и остается Солнце. Таким предстает изнутри кажущийся европейскому снобу неправдоподобно примитивным африканский «мир без времени», где часы заменяет Солнце, а крысиные гонки ненасытного бизнеса — самозабвенный темпераментный Танец!

Возможно, похожим был механизм генезиса восприятия времени первобытным человеком. Во

всяком случае, даже самое элементарное выделение себя из времени опиралось на зачатки рефлексии, а значит, было связано со специфической функцией, адресованной эволюцией вербальному (левому в норме) полушарию головного мозга. Из этого вытекает бывшая предметом дискуссий в отечественной науке «человечность» времени, трактовка его субъективности именно в духе собственности, принадлежащей лично субъекту — потенциальному стратегу собственной жизни, а не оценочно-субъективистскому истолкованию феномена времени, что в своё время резко затормозило развитие генетической теории личности²³. Иначе говоря, человеческое время формировалось вместе с человеком и в известном смысле в нём самом, в его мозге. Исходное восприятие однородности времени как совокупности биоритмов организма и окружающей среды (астрально-космических, климатических, гидрогеологических, биологических, химических, физических и т.п.) постепенно (по мере усвоения центральной нервной системой пространственных взаимоотношений) обогащалось за счет выявления природной аритмии (смерть, болезнь, климатические катаклизмы, затмения, землетрясения, наводнения, извержения вулканов и т.п.) и отделения от настоящего вначале прошлого (в виде аккумуляции опыта), а затем и от будущего. И если психическое освоение пространства ископаемыми предками имело физиологическим фундаментом развитие бинокулярного, стереоскопического, цветного зрения, то более ёмкое восприятие ими временной структуры бытия опиралось на догоняющее развитие органов слуха и качественно новое место в их жизнедеятельности акустического фона среды и воспроизведения звуковых сигналов. Конечно, осознание поначалу как бы стянутой в одну точку временной структуры бытия вызревало в рамках пространственных представлений (как локально-конкретных, так и абстрактно-космогонических) и лишь постепенно отслаивалось, отличалось, дистанцировалось от них. Но прежде, чем стать, а главное — быть осознанным в качестве такового, первичное время (более психологическое, нежели логическое, по характеру восприятия и типу отражения в биоэлектрических кодах мозговой ткани больших полушарий) длительный период прозябало на задворках пространственных представлений. К тому же дифференциация полушарий удлинила паузу между полученным извне импульсом и ответом на него с примерно двух до почти трех секунд.

Зато вклиненность в процесс принятия решения молодого мозга содержало мощный когнитивный и деятельностный потенциал.

Кенийский профессор Дж. Мбити предпринял попытку построения африканской модели времени и места представлений о нем в структуре архаического менталитета²⁴. Время для африканца — простая совокупность событий (а не мерных единиц), которые были, происходят сейчас или вот-вот произойдут. То, что, по всей видимости, состоит в силу ритмов внешней или внутренней природы (например, сезон дождей, роды беременной женщины) примыкает к реальному времени как его потенциальная, в принципе неизбежная разновидность. Само же время в традиционных представлениях племени кикуйя включает две его разновидности, функционирующие параллельно. Правополушарное, ощущаемое, насыщенное красками, образами, эмоциями, живыми впечатлениями, сопереживаниями, охватывает то, что прожито, прочувствовано, хранится в памяти, либо непосредственно грядущие события, например, инициация, празднество, важный ритуал. Это конкретное микровремя носит название *саса*. Так же называется охотничья сумка с атрибутами охоты либо самыми ценными кусками добычи. Напротив, левополушарное, вербально-логическое время охватывает то, что воспринимается как давно прошедшее, время предков и их духов, сказаний и мифов, включая представления о появлении людей и социума. Это макровремя называется у кенийцев *замани*. *Саса* индивида меньше, чем *саса* всей совокупности ныне живущих. Чем старше человек, чем больше событий он непосредственно пережил и помнит, тем больше его *саса*, тем ближе он к заветному *замани*. Но даже физическая смерть не переводит его автоматически в сферу *замани*. Лишь полностью порвав с чувственным образом, хранящимся в сознании потомков, память о нём сакрализуется; он из предка превращается в духа, чья законная обитель — вожденное потустороннее *замани*. Посюстороннее *саса* как бы ввинчивается в потустороннее *замани*, достигая его и растворяясь в нем, будто река, впадающая в море. Но само время *саса* тоже весьма своеобразно и многослойно, напоминая своего рода хронологический сэндвич. К тому же *саса* обладает, в отличие от монолитного *замани*, известной эйнштейновской гибкостью. Оно легко претерпевает трансформацию сжатия и расширения. И изгибается, как лист Мёбиуса, не прерываясь, а переходя из одной реальной временной субстанции в другую, например, в ритмике смены поколений и периодического обнов-

²³ Там же. С. 134.

²⁴ Mbiti I.S. African Religions and Philosophy. N.-Y.-Wach, 1970; его же: Concepts of God in Africa. London, 1970.

ления «населения» традиционного социума. *Замани* выступает отнюдь не как кладбище времени, а как сокровищница опыта и мудрости народа по легкой уловимой аналогии с историческими хрониками, эпосом и больше всего с мифом.

Мозг, время, власть: биологические истоки властвования

Словом, для большинства африканцев «одномерное» восприятие времени, как правило, бедно впечатлениями и ассоциациями, сплющено до элементарного различия того, что было, — «давно» — и того, что есть, — «сейчас». Всякие новации заведомо нежелательны, ибо рождают риск нарушения заведенного мудрыми предками «нормального» порядка вещей, а потому кандидаты, обещающие избирателям улучшение жизни, до сих пор проваливаются на выборах, а депутатами становятся защитники традиций предков. Соответственно, связанные с учётом временного фактора отложенный спрос и отсроченное потребление, дача в долг и жизнь в займы (например, кредитование), столь типичное для Запада, мало известны Африке, по крайней мере, за пределами городов. Время африканцем воспринимается под углом зрения вписанности в ритмы внешней природы и внутренней жизнедеятельности. Представителю промышленной цивилизации африканский мир «без времени» кажется неправдоподобным. В традиционном сознании преобладает пока что чувственно-ассоциативное, художественно-образное восприятие времени как своего рода живого, но невидимого Существа, как некоей перцептивно не воспринимаемой Субстанции, специфического фрагмента вездесущей Природы. Времени придается в большей степени поэтическая, нежели рациональная окраска²⁵.

Переход к психологической дифференциации времени был обусловлен усложнением хозяйственных процессов и коммуникативных связей, а также эволюцией головного мозга и, прежде всего, его левого полушария. События прошлого и тем более будущего чувственно не воспринимаются: в этом смысле они — за пределами сновидений, фантазии, представлений — доступны лишь вербальной, то есть абстрактной и абстрагирующей фиксации. Потому для собирателей и охотников характерна жесткая «вписанность» жизнедеятельности в природные циклы, что в очень незначительной степени может стимулировать потребность в развитии временных представлений и специ-

альных приемов (средств) ориентации во времени. Отсутствие временных императивов делает ненужным специальную фиксацию хронометрического деления дня. В архаическом сознании время ещё не отделилось от событий, от всего того, что составляет ежедневные будничные заботы и хлопоты.

Время в процессе антропосоциогенеза раздваивалось на погруженное в пространственные алгоритмы жизнедеятельности и на выплывавшее из них. К нему применим гегелевский образ сфинкса: из тела животного вырастает голова человека. Совсем не напрасно Гегель считал антиномию пространства и времени своего рода осью развертывания духа, творившего всемирную историю. Последняя *«есть вообще проявление духа во времени, подобно тому, как идея, как природа, проявляется в пространстве»*, — писал он в «Философии истории», видя именно в феномене времени *орудие всемирного духа, вечный двигатель исторического процесса, в недрах которого «пространственной прочности противостоит форма времени»*. Последняя, пробиваясь сквозь наслоения повторений, позволяет истории выйти за пределы «всё ещё... бессознательной связи, существующей благодаря кровному родству, за пределы естественных сторон первоначальной основы»²⁶. Время подтачивало, а затем — взламывало некогда прочную устойчивость социумов: в их повторяемость по теории вероятности всегда встревала песчинка нового, неведомого, непредвиденного. Постепенно накапливаясь, новации обуславливали сбой, а затем — кризис функционирования консервативных систем, что вызывало изменения элементов и/или связей исходных структур²⁷.

Первичная власть формировалась как распоряжение конкретным временем саса других индивидов и возрастных групп (даже если речь шла о традиционных видах работ) от имени священного замани его хранителями старейшинами, ближе всех стоящих к сонму мудрых предков и лучше всего могущих выразить их волю. Такой подход в принципе позволяет включить в исследование механизма генезиса координации и управления поведением различных групп, составлявших традиционный социум, факторы не столько экономические (кстати, едва ли определяющие в эпоху борьбы за элементарное биологическое выживание), сколько психологические.

Субъект властвования еще не был жестко персонализирован, но уже наметился круг, из которого

²⁵ Андреев И.Л. Танец с Солнцем // Дружба народов. 1999. №8. С. 134-151.

²⁶ Андреев И.Л. Танец с Солнцем // Дружба народов. 1999. № 8. С. 134-151.

²⁷ Андреев И.Л. Общение душ или агрегат индивидов? // Вестник РАН. 2002. № 8. С. 710-729.

он вскоре должен будет выйти, чтобы сесть на пень, игравший роль допотопного трона. Харизма, вырвавшаяся на плечах культа предков, «населявших» замани, еще уравновешивалась обычаями палабра (первобытного парламентаризма), в рамках которого все взрослые обладатели времени *саса* (обычно под священным баобабом) обсуждали животрепещущие вопросы своей жизни вплоть до достижения полного согласия, демонстрировавшего единство живущих перед лицом предков и потомков. Постепенно внешняя последовательность событий и процессов становилась внутренним психологическим временем индивида. Его регуляция могла исходить не только извне по отношению к нему, но и изнутри в виде потребностей, желаний, воли субъекта, переживающего эмоционально и оценивающего в понятиях события, действия, их результаты: ожидаемые, побочные, непредвиденные.

Исключительная жесткость исходных канонов традиционного поведения, отступление от которых грозило вымиранием изначально сращенному, подобно муравейнику, племенному социуму, имело поначалу чисто биологический смысл: дать шанс сохранению и воспроизводству первичного рода как ячейки нового зоологического вида. Видимо, здесь и скрыты истоки непререкаемой предписанности Свыше неосознаваемых, а продиктованных индивидам алгоритмов поведения и психологических клише восприятия, создателем и беспристрастным судьей пунктуальности их воплощения в жизнь выступала сама Природа. Ведь именно в ее чреве было зачато такое неживотное животное, как человек. Фатальность и неотвратимость отступления от ее канонов закреплялись групповым отбором в пробуждавшемся сознании наших пращуров в виде системы безоговорочных, аксиоматических запретов-табу и ритуального освящения указаний тех, кто по возрасту и связанному с ним социальному статусу находился ближе остальных к истокам жизни, к ее первооснователям-предкам, к заветному времени замани. Незримая власть замани, истоки которой сознание отдельного индивида не в силах уловить, представляется индивиду вечной, несокрушимой, фатальной. Отсюда — прочное убеждение, что каждое *саса* незримо зиждется на скрытом в глубинах видимого мира энергетически неисчерпаемом и, естественно, неуничтожимом замани. Захваченные старейшинами позиции вблизи *замани* обеспечивали почетную монополию эксклюзивного общения с ним и трактовки его потребностей.

Изначальной целью было отнюдь не желание властвовать, а суровая жизненная необходимость эффективного регулирования поведения членов

первичного рода и складывавшейся вкупе с ним общины путем авторитетного и изобретательного манипулирования психологическими средствами их индивидуальным временем *саса* от имени предков в интересах всего коллектива. Беспрекословность подчинения вековым обычаям и их хранителям-интерпретаторам и стала зародышем первичной власти как средства управления поведением сородичей, соплеменников и своим собственным. Сама власть поначалу выступала как распоряжение временем *саса* не только младших возрастных групп, но и представителей зависимого пола, пришельцев, прибывших к группе со стороны осколков других родов и общин, а также захваченных в качестве военных трофеев женщин, детей, взрослых. В роли первичного властного субъекта фигурировала сакрализованная верхушка старейшин, выступавшая в качестве своего рода наследников первой руки системно-мифологизированного и «населенного» тотемными существами мира, включая космические объекты, вечного времени замани. Да и сами предки и их духи находились, как правило, недалеко. Ведь те, кто умерли, не исчезли бесследно. Они — повсюду. В трепещущей листве акации и толстом стволе баобаба, в стоячей озерной воде и в искрящихся брызгах водопада. В подземелье и фамильном склепе, в малолюдной саванне и в рыночной толпе, ибо умершие вовсе не умерли совсем и навсегда. Незримые и неслышимые, они все видят и слышат, могут помочь в добром деле и покарать отступника.

Словом, истоки властного авторитета коренились в окутанном замысловатыми ритуалами культе предков. Первые носители власти выступали как имитаторы их действий, как интерпретаторы происходящего от их имени, как исполнители их воли. Первыми подчиненными были младшие возрастные группы, зависящие от старших и учившиеся у них. Реликтовые формы исходно-властного распоряжения временем других индивидов до сих пор сохранились в Тропической Африке. Добавлю, речь идет о потестарной власти, не имеющей иных средств принуждения, кроме морального авторитета и устрашения, психологического давления, а, кроме того, выступающей в патронажной роли блюстителя общих интересов²⁸. Традиционная власть в своём самоопределении неизменно опирается на уходящее вглубь древности сакрализованное время.

²⁸ Андреев И. В джунглях прапамяти // Новый мир. 1999. № 3. С. 151-163.

Список литературы:

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991.
2. Андреев А.И. Человек как предмет современной науки // Вестник РАН. 2006. № 2.
3. Андреев И.В. джунглях прапамяти // Новый мир. 1999. № 3. С. 151-163.
4. Андреев И.Л. Взаимосвязь пространственно-временных отношений с генезисом отношений собственности и власти // Вестник РАН. 2005. № 3.
5. Андреев И.Л. Общение душ или агрегат индивидов? // Вестник РАН. 2002. № 8. С. 710-729.
6. Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. 2-ое изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1988.
7. Андреев И.Л. Тамтам сзывает посвящённых // Философские проблемы этнопсихологии. М., Прогресс-Традиция, 2008. 384 с.
8. Андреев И.Л. Танец с Солнцем // Дружба народов. 1999. № 8. С. 134-151.
9. Андреев И.Л. Циферблат без стрелок // Вестник РАН, 2003, № 2 (статья перепечатана в США: Andreev I.L. A Handlees Dial // Herald of Sciences. Vol. 73. Number 1. Janvar-Februar, 2003. P. 54-61).
10. Андреев И.Л. Эволюционные истоки отношений собственности и власти // Государственная служба. 2005. № 6.
11. Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. Функциональные асимметрии человека. М., 1981.
12. Гайденоко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006.
13. Гегель Г.В.Ф. Философия истории. Соч., т. VIII. М.-Л., 1935.
14. Заварзин Г.А. Бытие и развитие: эволюция, сукцессия, хаэссеитас // Вестник РАН. 2007. № 4. С. 336.
15. Иорданский В.Б. Хаос и гармония. М., 1982.
16. Курпатов А.В. Депрессия: от реакции до болезни. СПб, 2001.
17. Парсонс Г. Человек в современном мире. М., 1985.
18. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-н/Д.: Феникс, 1996.
19. Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг, правый мозг. М., 1983.
20. Тарантул В.З. Геном человека. Энциклопедия, написанная четырьмя буквами. М.: Языки славянской культуры, 2003.
21. Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 3. М., 1968.
22. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
23. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986.
24. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993.
25. Якобони Марко. Отражаясь в людях. Почему мы понимаем друг друга. М.: Юнайтед Пресс, 2011.
26. Andreev I.L., Tumarkin D.D. The traditional communal Structures and some Problem of socio-economic Development of the pacific islands Peoples // 13th Pacific Science Confress // Canada? Vancouver, 1975. 32 p.
27. Ardrey R. Adam kamm aus Africa. Munchen, 1969.
28. Ardrey R. The Territorial Imperativ. A personal Jnguiry into animal origins of Property and Nation. N.-Y., 1966.
29. Lafargue Paul. La propriete origine et evolution. Paris, 1895.
30. Launay R. Spaces and Times Multiple Coordinates of Reality among the Dyula of Cote d Ivoire // Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М.: Институт Африки РАН, 1996. С. 98-101.
31. Mbiti I.S. African Religions and Philosophy. N.-Y.-Wach., 1970.
32. Mbiti I.S. Concepts of God in Africa. London, 1970.

References (transliteration):

1. Abul'khanova-Slavskaya K.A. Strategiya zhizni. M., 1991.
2. Andreev A.I. Chelovek kak predmet sovremennoy nauki // Vestnik RAN. 2006. № 2.
3. Andreev I. V dzhunglyakh prapamyati // Novyy mir. 1999. № 3. S. 151-163.
4. Andreev I.L. Vzaimosvyaz' prostranstvenno-vremennykh otnosheniy s genezisom otnosheniy sobstvennosti i vlasti // Vestnik RAN. 2005. № 3.
5. Andreev I.L. Obshchenie dush ili agregat individov? // Vestnik RAN. 2002. № 8. С. 710-729.
6. Andreev I.L. Proiskhozhdenie cheloveka i obshchestva. 2-oe izd., pererab. i dop. M.: Mysl', 1988.
7. Andreev I.L. Tamtam szyvaet posvyashchennykh Filofskie problemy etnopsikhologii. M., Progress — Traditsiya. 384 s.

8. Andreev I.L. Tanets s Solntsem // Druzhba narodov. 1999. № 8. S. 134-151.
9. Andreev I.L. Tsiferblat bez streluk // Vestnik RAN, 2003, № 2 (stat'ya perepechatana v SShA: Andreev I.L. A Handlees Dial // Herald of Sciences. Vol. 73, Number 1, Janvar-Februar, 2003. P. 54-61).
10. Andreev I.L. Evolyutsionnye istoki otnosheniy sobstvennosti i vlasti // Gosudarstvennaya sluzhba. 2005. № 6.
11. Bragina N.N., Dobrokhotova T.A. Funktsional'nye asimmetrii cheloveka. M., 1981.
12. Gaydenko P.P. Vremya. Dlitel'nost'. Vechnost'. Problema vremeni v evropeyskoy filosofii i nauke. M.: Progress — Traditsiya, 2006.
13. Gegel' G.V.F. Filosofiya istorii. Soch., t. VIII. M.-L., 1935.
14. Zavarzin G.A. Bytie i razvitie: evolyutsiya, suksessiya, khaesseitas // Vestnik RAN. 2007. № 4. S. 336.
15. Iordanskiy V.B. Khaos i garmoniya. M., 1982.
16. Kurpatov A.V. Depressiya: ot reaktsii do bolezni. SPb, 2001.
17. Parsons G. Chelovek v sovremennom mire. M., 1985.
18. Petrovskiy V.A. Lichnost' v psikhologii: paradigma sub'ektnosti. Rostov-na-Donu: Feniks, 1996.
19. Springer S., Deych G. Levyy mozg, pravyy mozg. M., 1983.
20. Tarantul V.Z. Genom cheloveka. Entsiklopediya, napisannaya chetyr'mya bukvami. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003.
21. Trudy VII Mezhdunarodnogo kongressa antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk. T. 3. M., 1968.
22. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla. M.: Progress, 1990.
23. Fromm E. Imet' ili byt'? M.: Progress, 1986.
24. Khaydegger M. Vremya i bytie. M.: Respublika, 1993.
25. Yakoboni Marko. Otrazhayas' v lyudyakh. Pochemu my ponimaem drug druga. M.: Yunayted Press, 2011.
26. Andreev I.L., Tumarkin D.D. The traditional communal Structures and some Problem of socio-economic Development of the pacific islands Peoples // 13th Pacific Science Confress // Canada? Vancouver, 1975. 32 p.
27. Ardrey R. Adam kamm aus Africa. Munchen, 1969.
28. Ardrey R. The Territorial Imperativ. A personal Jnguiry into animal origins of Property and Nation. N.-Y., 1966.
29. Lafargue Paul. La propriete origine et evolution. Paris, 1895.
30. Launay R. Spaces and Times Multiple Coordinates of Reality among the Dyula of Cote d Ivoire // Prostranstvo i vremya v arkhaischikh i traditsionnykh kul'turakh. M.: Institut Afriki RAN, 1996. C. 98-101.
31. Mbiti I.S. African Religions and Philosophy. N.-Y.-Wach., 1970.
32. Mbiti I.S. Concepts of God in Africa. London, 1970.